

A black and white photograph of a snowy landscape. In the foreground, a young child wearing a dark, heavy winter coat and a fur-lined hood stands in the snow. The child is looking towards the camera. In the background, there are several long, low industrial buildings, possibly part of a factory or a large warehouse, situated in a flat, snowy area. Bare trees are visible in the foreground and background, their branches covered in snow. The overall scene is a cold, wintry environment.

Девочка с Севера (Сборник рассказов)

Наталия Филатова

Наталия Филатова

Девочка с Севера.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72037414

SelfPub; 2025

Аннотация

На Крайнем Севере жизнь непростая. Условия диктуют особенный образ жизни, и люди там другие. Они более выносливые, менее капризные, честные, сильные, задумчивые и немногословные. А еще они умеют ценить настоящую красоту – не явную и кричащую, а тихую, мерцающую, спокойную. Таковую, как красота северной природы. Советское детство в небольшом якутском поселке – вот та сцена, на которой разворачиваются события, запечатленные в этом сборнике рассказов.

Наталия Филатова

Девочка с Севера.

Сборник рассказов

1. Сияние

Майка не помнила, сколько ей было лет тогда, но точно больше трех и меньше семи, потому что папа забирал ее из детского сада (значит, семи еще не было) и вез на санках в квартиру в двухэтажке на улице Бабушкина, куда их семья переехала прямо перед тем, как родилась ее сестра Женька (значит больше трех). Зимой в далеком заполярном поселке санки были очень распространенным детским транспортом и практически заменяли коляски детям, которые уже могли сидеть, но еще не могли долго ходить. И папа часто возил сестер на них вместе: Майка опиралась на спинку саней, а Женька, усаживаясь впереди – на Майку. Но именно в этом кратком и очень ярком эпизоде сестры почему-то не было: значит, она либо еще не родилась, либо была совсем маленькой для таких катаний...

В общем, – зима, снег, темнота (поскольку полярная ночь), папа тащит за веревку самые обычные деревянные санки – пять крашенных досок (желтые и красные), металлические полозья и спинка. Эти железные спинки на севере об-

матывали мягкими толстыми шальями, а сверху сиденье целиком покрывали одеялом, чтобы получалось что-то вроде кресла, и детям было уютнее и теплее. И вот Майка сидит, как боярыня Морозова, в таких санях, в ватном комбинезоне, шубе и валенках, на ней лисья шапка с резинкой вокруг головы, вязаный шарф, по двое рукавичек на каждой руке (сначала тоненькие вязаные, потом меховые и тоже на резинках – чтоб не потерялись) и одеяло сверху. На улице минус 40 точно, а возможно и холоднее. Девочка видит впереди широкую папину спину, лохматую енотовую шапку, слышит, как хрустит под его унтами наст... Звуки на морозе очень объемные, какие-то особо густые, их как будто можно потрогать. Ей спокойно, надежно, отцовская мерная походка немного укачивает. Она сидит молча, потому что холодно – зимой на Севере люди вообще на улице не разговаривают. Да и рот с носом у нее замотан шарфом, под который мама обязательно подкладывала чистый носовой платочек (чтоб шерстяной шарф не колол лицо и не мокнул от выдыхаемого пара). Звезды низко, близко, ярко. Их можно увидеть только зимой, потому что летом – полярный день. И вот эти северные звезды – они как будто живые: таинственно мигают, мерцают, разговаривают... Это завораживающее зрелище, особенно, когда едешь в санках по хрустящему снегу и впадаешь в какое-то медитативное состояние, находясь где-то между сном и бодрствованием, между сказкой и реальностью.

Папа идет, наверное, думает о чем-то своем, на дочь не

оглядывается – а чего проверять, он же санки за веревочку тянет. Дойдя до небольшой горки (которая образовалась от насыпи на теплотрассу), он разбегается, в какой-то момент отпускает санки и отбегает в сторону, чтобы они стремительно прокатились мимо него. Майка летит, аж дух захватывает, тихонько смеется в шарф. Но почему-то теряет равновесие и укутанным мешочком с санок сваливается. И как черепашка, которая падает на спину и не в силах сама перевернуться, лежит звездочкой на промерзлой снежной земле с раскинутыми руками-ногами.

И уже хочется крикнуть папе, что она упала, но вдруг Майка увидела в небе всполохи северного сияния... Огромные мощные ленты неземного изумрудно-голубого и желто-зеленого цветов летали прямо над ней, будто их встряхивала невидимая космическая гимнастка. Они начинались где-то с краю, за пределами бокового зрения, и переливались огромными волнами по ночному черному куполу. И сами по себе эти перекаты были в постоянном внутреннем хаотичном движении, но движении не суетливом и мелком, а величавом, гордом и тяжелом. Они как будто дышали, меняя оттенки спектра на вдохе и выдохе. Майкин крик остался внутри, где-то между сердцем и горлом, он превратился в восторженный смех, которым она, замороженная, все равно не могла рассмеяться!.. Ее накрыло, придавило и захлестнуло этим сиянием, этими цветными переливами, этой неопишуемой северной красотой. Она лежала, боясь даже легким дви-

жением или звуком разрушить это волшебство, эту небесную магию, и думала только о том, чтобы это не прекращалось, длилось, как можно дольше... И вдруг ощутила себя такой маленькой, крохотной, неслышной и невесомой. Стало даже страшно и на какое-то мгновение одиноко. Но рядом стояла папа – он тоже молча смотрел в небо. Они как будто растворились с ним в этом мерцающем снегу, черном звездном небе и в этих холодных полярных всполохах...

Это было ощущение космического счастья, которое Майка запомнила на всю жизнь. Наверное, ей в ее 5-6 лет не хватало знаний, чувств, эстетического опыта, которыми владеют взрослые, чтобы оценить, с чем-то сравнить то, что она вдруг увидела. Поэтому, потрясенная, Майка просто оставила этот миг в своем сердце – с папой, санками и звездами Севера.

2. Фоторассказ

Майкин папа, как сказали бы сейчас, был фотографом от бога. Ему бы эта фраза точно не понравилась, поскольку в бога он не верил, да и не любил громких хвalebных слов. Он и сам, когда желал выразить восхищение кем-то или чем-то, говорил только: «Ну ты даешь!..» или «Вот это да!..» – и это была высшая оценка из папиных уст, и ради нее Майка была готова на что угодно... Так вот, папа фотографировал много, часто и с удовольствием. И, самое главное, у него это

прекрасно получалось. Он умел ловить взгляд, передавать настроение, идеально выстраивал композицию кадра, играл со светом и тенями, тонко чувствуя любую фальшь. Увидит красоту какую-нибудь, иногда одному ему и заметную, и бежит, все бросив, за фотоаппаратом... В общем, талантливым был фотохудожник Майкин папа!.. Редакционный архив районной якутской газеты наполовину состоял из его снимков: он начинал в газете фотокорреспондентом, но даже когда стал ее главным редактором, фотографировать не бросил – ни для работы, ни дома. Это был, наверное, тот идеальный случай, когда хобби становится твоей работой!..

Как у любого уважающего себя советского фотографа (и уж тем более у профессионала!) у Владимира Марковича был целый арсенал: фотоаппараты – от «Смены» до «Никона», объективы, штативы, линзы, парочка увеличителей, бачки, ванночки и даже глянецватель!.. Ведь раньше фотокарточка была не просто картинкой, а результатом долгих магических действий и довольно сложных манипуляций. И если ты сам в своей домашней лаборатории не проявлял пленку и не печатал фотографии – никакой ты не фотограф! Так, выпендрожник-любитель!.. Поэтому процесс печатания дома был священен во всех отношениях. Таинство происходило в ванной комнате, папа занимал ее на вечер выходного пару раз в месяц, заранее предупреждая домочадцев, чтоб в это время никому не приспичило постирать или помыться. На ванну устанавливалось что-то вроде сколоченной из до-

сок и обитой сверху клеенкой столешницы размером с саму ванну – от стены до стены. И на получившийся длинный стол папа ставил увеличитель (огромный тяжелый агрегат, смысл действия которого Майка не понимала, да и не пыталась понять, будучи гуманитарием с рождения), ванночки (папа никогда не употреблял слово «кюветы») с проявителем, водой и закрепителем, а сбоку в дальнем углу – самый волшебный, по Майкиному мнению, атрибут, который и придавал всему процессу атмосферу таинства – красный фонарь!.. В темноте, при полной тишине и в красноватом свете, под дурманящие запахи химических реактивов папа творил чудеса.

Иногда он разрешал Майке печатать фотографии вместе с ним – и это был просто праздник! Особенно восхитителен был момент, когда фотобумагу, за какие-то секунды под увеличителем неведомым Майке образом впитавшую в себя нужную картинку, специальным пинцетом папа опускал в ванночку с проявителем. Он начинал аккуратно топить в нем всплывающие уголки будущей фотокарточки. И на ней, как будто из тумана, выплывали сначала неясные контуры, в которых Майка тут же пыталась угадать изображение, фантазируя на ходу, потом картинки набирали реальную силу, безжалостно уничтожая девчоночьи иллюзии или подтверждая их... И вот из ничего появлялись глаза, улыбки, люди, цветы, дома... Майка, затаив дыхание, разглядывала все эти детали, но тут пинцет в папиной руке цеплял фотографию – важно было не передержать ее и в нужный момент выта-

щить из проявителя, а затем, сполоснув, опустить в закрепитель (так папа называл фиксаж), где она созревала еще мин 10-15. И только потом готовая фотография отправлялась в ванночку с чистой водой к своим старшим сестрам. И ритуал фоторождения начинался с новым снимком!..

Этот процесс настолько захватывал папу, что он не позволял себе отвлекаться ни на что на свете – хоть пожар, хоть потоп за дверью. И к каждой фотографии относился как к единственной и неповторимой, хотя в итоге появлялся целый фотосериал, десятки почти одинаковых снимков, на которых лишь папин глаз мог найти десять отличий!.. Изменялись, порой, действительно мелочи: полуулыбка, чуть поярче эмоция, маленький наклон головы, какой-то легкий нюанс, но именно этот нюанс делал весь кадр совершенно другим!.. И папа не выбирал из них лучшие – он был уверен, что каждая из этих фото имело право на жизнь, причем жизнь долгую, с переездами с квартиры на квартиру и бережным хранением. И когда через много лет мама с папой уезжали с Севера навсегда, процесс отбора фотографий, которые нужно (не можно, а нужно!) взять с собой, был, наверное, самым болезненным из всех видов сбора вещей – ну невозможно было найти «лишние»! Отец не принимал в этом участие принципиально, и, как всегда, самую тяжелую душевную работу делала мама...

В ванной, особенно если сидеть там вдвоем, быстро становилось душно (вентиляции тогда в таких деревянных двух-

этажах не делали), поэтому папа допускал Майку к процессу лишь на время. Да и когда он печатал один, тоже периодически выходил «подышать» на перекур. Пользуясь этим перерывом, Майка проскальзывала в ванную и разглядывала готовые фотографии, аккуратно вороша их щипцами в ванночке с водой. Папе это почему-то не нравилось. «Вот после глянцева и посмотришь», – говорил он, выпроваживая дочь из «фотолаборатории». И Майке в этот момент было жутко обидно – это был тот редкий миг, когда что-то в мире для папы было важнее ее, Майки. И она мучительно ревновала папу к фотографиям, к увеличителю, к этим ванночкам и даже к красному фонарю.

Но самый страшный папин гнев обрушивался на того несчастного, кто во время печатания – по забывчивости или рассеянности – вдруг включал в ванной свет. Хотя раз это делал каждый из домочадцев. Но чаще всего этим несчастным оказывалась младшая сестра Майки Женька. Она все и всегда делала стремглав и не задумываясь. Поэтому, если ей вдруг резко нужно было в ванную, она врубала со всей силой выключатель, не оставляя папиным творениям шанса на жизнь. Одновременно Женька дергала и за ручку двери, пытаясь ее открыть. Но если дверь с внутренней стороны удерживал шпингалет, то выключатель был обречен. После пары-тройки таких трагедий с засвеченными фотошедеврами, папа придумал фиксировать выключатель спичкой, вставленной в узкую щель между его клавишей и рамкой. И

все-таки сила Женькиного внезапного порыва практически всегда справлялась и с этой премудростью – спичка вылетала из-под клавиши, свет беспощадно вспыхивал и из ванной раздавалось самое ужасное папино ругательство: «Ййй-олочки! Ну кто там опять?!..» Хотя и так было понятно кто...

После печатания папа шел фотографии сушить. Он делал это уже на кухне – ставил глянецватель на стол, Майка забиралась с коленками на табурет и наблюдала, как папа тщательно разглаживает резиновым валиком мокрые фотографии по зеркальной металлической поверхности, потом накрывает их сверху холщовой тканью на рамке, защелкивает всю конструкцию, включает и отодвигает подальше от края стола – «Глянцеватель горячий! Не трогай!». Из глянецвателя шел пар, бумага шипела, грелась, потрескивая, и через несколько минут из этой печки, как пирожки, высыпались тепленькие пахучие фотокарточки. Теперь оставалось только ровненько обрезать края каждой, чтобы вокруг самой картинки образовалась узкая белая рамочка. И на этом этапе к фотоделу подключалась мама – Майку всегда поражало ее умение быстро и ровно отрезать бумажные края, оставляя филигранно тонкий и одинаковый по всей ширине кантик. Она пыталась повторить, но всегда медлила, боясь откромсать больше положенного, и в итоге рамочка выходила неровная. Поэтому Майка, не дыша, наблюдала за порхающими в маминых пальцах ножницами, а потом сгребала отрезанные жёсткие полосочки фотобумаги и выбрасывала в

мусорное ведро. Папа брал стопку готовых карточек, поднимал очки на лоб и начинал придирчиво, словно в первый раз их видел, рассматривать каждый снимок. Это был его окончательный, очень строгий и самокритичный контроль качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.